

Н.П. Шабалов

ОДИН ИЗ ДУХОВНЫХ ЛИДЕРОВ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДИАТРИИ (к 90-летию Вячеслава Александровича Таболина)

«Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова», Санкт-Петербург, РФ

*«Две головешки жалобно чадили,
Но люди торопливо проходили.
Вдруг налетел случайный ветерок,
Взметнулись искры, ожил огонек.
И путник одинокий отогрел
Озябшие лагони на костре.
Присловица закончилась уже,
Напрасно в ней искать усмешки:
Коль нету Духа Божьего в душе,
Талант и труд – простые головешки».*
Иеромонах Роман (Александр Матюшин)

N.P. Shabalov

ONE OF THE SPIRITUAL LEADERS OF MODERN PEDIATRICS (On the 90th anniversary of Vyacheslav Alexandrovich Tabolin)

S.M. Kirov Military Medical Academy, St. Petersburg, Russia

Впервые я увидел Вячеслава Александровича Таболина в 1972 г., когда он приехал на студенческую научную конференцию в Ленинградский педиатрический медицинский институт. Обращали внимание скромность и обаяние, изящество, простота в общении широко известного профессора, ибо уже все педиатры к этому времени прочли его книги «Билирубиновый обмен и желтухи новорожденных», «Наследственные заболевания у детей» (соавторы Л.О. Бадалян и Ю.Е. Вельтищев). Кстати, эти книги высоко оценил и мой учитель, лидер в то время ленинградской и российской педиатрии – академик АМН СССР, лауреат Ленинской премии Александр Федорович Тур.

Более близкое знакомство, переросшее в тесное и дружеское общение, с Вячеславом Александровичем началось с 1979 г., когда мы задумали «Справочник неонатолога» как коллективный труд московских и ленинградских специалистов неонатальной медицины, причем не только педиатров, но и детских неврологов, хирургов, оториноларингологов, окулистов, эндокринологов, кардиологов, нефрологов, реаниматологов, патологоанатомов, организаторов здравоохранения. Это было первое такого рода издание в стране.

Во время множества встреч мы разговаривали на самые разные темы, и тогда я узнал, что Вячеслав Александрович глубоко православный человек и знаток православных икон. Он мог не только идентифицировать иконы, но обстоятельно рассказать об истории их обретения или создания, смысле, в т.ч. и мелких фрагментов. Оказалось, что мы оба любим русскую поэзию, читали друг другу любимые стихи.

Он особенно любил читать такие стихи близко знакомого ему и любимого Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000):

*«На русском Севере –
Калина красная,
Края лесистые,
Края озерные.
А вот у нас в степи
Калина – разная,
И по логам растет
Калина черная.*

*Калина черная
На снежной замети -
Как будто пулями
Все изрешечено.
Как будто горечью
Далекой памяти
Земля отмечена,
Навек отмечена.*

*Окопы старые
Закрты пашнями.
Осколки острые
Давно поржавели.
Но память полнится
Друзьями павшими,
И сны тревожные
Нас не оставили.*

*И сердцу видится
Доныне страшная
Войной пробитая
Дорога торная.
И кровью алою -
Калина красная.
И горькой памятью -
Калина черная.*

*Калина красная
Дроздами склевана.
Калина черная
Растет – качается.
И память горькая,
Печаль суровая
Все не кончается,
Все не кончается...»*

В свою очередь я читал стихи моих любимых Марины Ивановны Цветаевой и Анны Андреевны Ахматовой. При этом Вячеслав Александрович впервые узнал из стихотворения М.И. Цветаевой:

*«Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.
Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!
Верни нам вольность, Воин, им – живот.
Страж роковой Москвы – сойди с ворот!
И докажи – народу и дракону –*

Что спят мужи – сражаются иконы», что на гербе Москвы изображен святой Георгий Победоносец,

Соответствующая картина вскоре появилась в его кабинете.

В последние годы жизни он часто читал стихи Кайсына Кулиева, услышанные впервые им от меня:

*«Все повидавши на своем веку,
Изведавши все горести на свете,
Из благ земных прошу лишь об одном:
Пусть никогда не умирают дети!
Я понимаю этому не быть,
Смерть без разбора расставляет сети,
Но все же не устану повторять:
Пусть никогда не умирают дети!
Не расцветает дерево опять,
Которому зимой весна не снится,
О невозможном, если не мечтать,
То вряд ли и возможное случится.
Я мир воспринимаю без прикрас,
И жизнь не в розовом я вижу свете,
И все-таки кричу в сто первый раз:
Пусть никогда не умирают дети!»*

Стоит сказать, что эти стихи мне подарили в Перми, когда я был председателем ГЭК и соответственно через меня подарили и Вячеславу Александровичу.

Б.Л. Пастернак («Доктор Живаго») писал: «Вы не понимаете, что можно быть атеистом, можно не знать, есть ли Бог и для чего он, и в то же время знать, что человек живет не в природе, а в истории, и что в нынешнем понимании она основана Христом, что

Евангелие есть ее основание... Это, во-первых, любовь к ближнему, этот высший вид живой энергии, переполняющий сердце человека и требующий выхода и расточения, и затем главные составляющие части современного человека, без которых он немислим, а именно идея свободной личности и идея жизни как жертвы. Имейте в виду, что это до сих пор чрезвычайно ново».

Говоря о религиозности Вячеслава Александровича, мне вспоминаются слова Петра Бернгардовича Струве (1870–1944; философ, публицист, инициатор сборника «Вехи», 1909): «Есть разные выражения и виды религиозности. Один вид есть погружение в этот мир, все равно, будь то наивно-романтическое освоение Бога, или страстно-упоенная отдача Ему, или, наконец, выливающаяся в форму логического рассуждения или мысленного развития философское опознание Бога...»

Но может быть совсем другой вид религиозности, не погружение в Божество и не Его утверждение мыслью, а касание мирам иным. Именно не прикосновенность, а касание, стыдливое, сдержанное приближение, в котором нет никакого упоения или опьянения, где ясность не утрачивается, а ясный и трезвый ум только смиренно склоняется перед неизъяснимым. Такова была религиозность зрелого Пушкина». Мне кажется, что такова и религиозность В.А. Таболина.

В то же время Вячеслав Александрович полностью соответствовал молитве Парацельса: *«ГОСПОДИ! Укрепи силы сердца моего так, чтобы оно могло одинаково отвечать на страдания бедного и богатого, помогать одинаково и другу и врагу. Не допускай, чтобы жажда наживы и славы вела меня по избранному пути.*

Научи меня, Всемогущий, терпеливости и спокойствию, когда больной непослушен и оскорбляет, когда хворь не отступает, а лечебные средства оказываются несостоятельными.

ГОСПОДИ! Сделай меня умеренным во всех моих суждениях и действиях, но не знаниях, ибо в последнем я хочу оставаться ненасытным. Пусть далеким от меня остается мысль, что я знаю все. Во имя Отца и Сына, и святого Духа» (Филипп Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, 1493–1541).

Чем талантливее человек, тем больше в нем сохранилось из детства. Вячеслав Александрович сохранил очень многие из детских черт: потребность любить окружающих и верить им, вести себя так, чтобы быть любимым, умение удивляться, способность радоваться любым проявлениям жизни, запоминать и учиться, восхищаться красотой. Вячеслав Александрович восхищался красотой православных храмов, был безгранично доверчив к окружающим, что иногда приводило и к конфузам, ибо немало людей, стремящихся получить, ничего не отдавая, но это не останавливало его в повседневном стремлении – помочь, отдать. Конечно, это невозможно без поддержки ближайшего окружения. В легендарной песне Никитиных есть такие слова Юрия Давидовича Левитанского: «Каждый выбирает по себе – женщину, религию, дорогу. Дьяволу служить или Пророку – каждый выбирает по себе...». Его жена – Светлана Анатольевна была мудрейшей и добрейшей женщиной, своей любо-

вью помогавшая Вячеславу Александровичу достойно нести свой крест, невзирая на конфузы. Вячеслав Александрович гордился своими дочерьми, особенно Татьяной, ставшей одним из крупнейших знатоков и историков казачества.

В записной книжке одного из близких мне профессоров Военно-медицинской академии Альфреда Львовича Костюченко (1937–2004) есть такая запись:

«Господи!

Дай мне силу, чтобы вынести то, что нельзя изменить,

Мужество, чтобы изменить то, что можно изменить,

Мудрость, чтобы знать, что можно и что нельзя».

Вячеслав Александрович исповедовал те же принципы и был мужественным, мудрым человеком, никогда не «встревавшим» в разного рода «разборки», но выступавшим горячо за права детей, против повсеместной замены врача-педиатра на врача общей практики, что особенно ярко подчеркнуто в его последней книге «Дети – это святое» (2001).

Ректор МГУ академик РАН Виктор Антонович Садовничий («В мире науки», 2006, № 1) пишет: «В отличие от знания, образованности, информированности, мудрость есть способность принимать и усваивать опыт жизни предыдущих поколений, без чего невозможно развитие науки и культуры, а значит цивилизации, но эталона мудрости просто не существует... Для русской философии Мудрость имела всегда особый смысл, ее одухотворила ... и означала живой религиозный мистический опыт, переживание присутствия в мире божественной Мудрости – Софии». Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий) констатировал: «Знание больше, чем наука. Оно достигается и теми высшими способностями духа, которыми не располагает наука. Это, прежде всего, интуиция, то есть непосредственное чутье истины, которое угадывает, прозревает ее, пророчески предвидит там, куда не достигает научный способ познания. Ею мы живем гораздо больше, чем предполагаем».

Безусловно, В.А. Таболин – выдающийся отечественный педиатр, внесший значимый научный вклад в разные разделы педиатрии: неонатологию, генетику, биоритмологию, гастроэнтерологию, неотложную педиатрию, педиатрическую клиническую фармакологию и другие области. Воспитанная им крупнейшая в настоящее время в России школа ныне здравствующих педиатров является внучатой к школе отца русской клинической педиатрии – Нила Федоровича Филатова и дочерней к школе классика советской педиатрии – Георгия Несторовича Сперанского, основными принципами которых были врачевание как служение и образ жизни. Несомненно, что до тех пор, пока крупнейшие русские школы продолжают и живут, развиваются, жива и Россия.

«Моральные качества замечательного человека имеют, вероятно, большее значение для его поколения и для исторического процесса, чем чисто интеллектуальные достижения» (А. Эйнштейн). «Человек в других людях и есть душа человека. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. Вашей душой, вашим бессмертием, вашей жизнью в других. И что же? В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшие в состав будущего» (Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго»).

Вячеслав Александрович Таболин, безусловно, «вошел в состав будущего» и сейчас – один из духовных лидеров современной отечественной педиатрии. Почему «один из», а не просто «лидер»? Да потому что и во времена Таболина моими друзьями, наставниками были и Андрей Владимирович Мазурин, и Юрий Евгеньевич Вельтищев, и Наталья Сергеевна Кисляк и др., не говоря уж о моих прямых учителях – Александре Федоровиче Туре, Михаиле Степановиче Маслове. Лично для меня все они духовные лидеры и в разное время я вспоминаю каждого из них и ориентируюсь на их мнения.

Я помню, как Г.Н. Сперанский начал так свое слово на панихиде по поводу кончины М.С. Маслова: «Скончался крупнейший советский педиатр...». Более полвека спустя я (не новичок как в педиатрии, так и в констатации ее истории) не могу решить, кто был крупнейший педиатр нашей страны в то время – Г.Н. Сперанский или М.С. Маслов? Наши учителя завещали нам не расставлять никому оценки по любой шкале, не обсуждать – «кто великий или кто более велик». К сожалению, уже в XXI веке иногда это завещание наших общих учителей, хотя и редко, но забывают (по счастью не среди санкт-петербургских педиатров), называя наиболее значимых педиатров как в прошлом, так и настоящем времени. Вячеслав Александрович таким не был и, в частности, любил и почитал перечисленных выше педиатров современников, считал, что многим обязан их окружению и помощи. Я помню, как одна из претенденток на благосклонность Н.С. Кисляк при выборах в члены-корреспонденты АМН СССР (после вручения подарка) услышала от нее (на моих глазах): «Я уважаю Вас, но в эти выборы моя задача – поддержать Ю.Е. Вельтищева и В.А. Таболина. На следующих выборах я Вас поддержу». Позднее я услышал и сам (правда, без вручения подарка) от В.А. Таболина по смыслу ту же фразу, когда конкурировал на выборах с В.Ф. Учайкиным.

Возвращаясь к эпиграфу, В.А. Таболин, безусловно, имел Дух Божий в душе. Общение с такими людьми, как Вячеслав Александрович Таболин, нравственно и эмоционально обогащает любого человека. А уж как это сказывается на общавшемся человеке – великая тайна.